

Родог

Яне собираюсь принимать участие в войне, не собираюсь сражаться и нести ответственность за кого-то, кроме себя.

И маме это хорошо известно. Но она упрямо пытается вырастить из меня саму себя — могущественную чистокровную эльфийку. Что, по сути, невозможно, потому что во мне течет человеческая кровь.

— Эания! — зовет она со двора. — Время тренировки!

Я тяжело вздыхаю, споласкиваю руки от пыли, прилипшей к пальцам после сбора трав в лесу, и иду к ней. Мама магией воздуха подхватывает горшок с землей с другого конца двора и, заметив мое угрюмое выражение лица, напоминает:

— Через пару недель тебе исполнится восемнадцать, а ты до сих пор не овладела всеми четырьмя стихиями.

— Зато в совершенстве владею одной.

— Этого недостаточно. Возьми горсть земли и встань напротив меня.

Бесполезно спорить, когда мама в таком настроении, потому я послушно беру землю и встаю там, где сказано. Стихия не поддается ни через минуту, ни через десять. Она противится мне, а мамин взгляд тяжелеет. До меня доносится какой-то шум, и я с удовольствием отвлекаюсь от бесполезного занятия, выглядывая за невысокий бревенчатый забор:

— Ты это слышишь? Кто-то кричит...

Порыв ветра, словно мягкое прикосновение ладони, поворачивает мою голову обратно, голос мамы сух и строг:

— Эания, сосредоточься. Все внимание на землю в твоей руке. Почувствуй ее податливость, она уже готова тебя слушать. Такая же земля находится в горшке. Подними ее.

Я вздыхаю и недовольно сужаю глаза на горшок у маминых ног. Сдуваю с лица рыжую прядку, сжимаю кулак с землей сильнее и напрягаюсь.

Ну же! Взлетай!

— Не пытайся подчинить ее своей воле! Ты проводник! Укажи ей путь!

Я хитро улыбаюсь, разжимаю кулак с землей и растопыриваю пальцы в стороны, чтобы поймать ими ветерок. Направляю воздух в зазоры между каменными стенками горшка и утрамбованной в нем землей и толкаю вверх. Земля выскакивает из горшка, как пробка из бутылки, а затем рассыпается по траве. Черная пыль оседает на подоле маминого платья.

— Эания, — устало вздыхает она, — ты должна уметь сражаться!

Меня снова привлекает шум, но я продолжаю привычно спорить с мамой:

— Война не касается лично меня.

— Да-да, однажды ты сбежишь в Пустошь и заживешь вольно, — мама в два счета возвращает землю в горшок, словно та не вылетала вовсе, и строго смотрит на меня. — Ну а пока...

Теперь до нас доносится металлический лязг, и мама его тоже слышит. Она спешит к забору, у которого уже стою я, и вглядывается в конец улицы. Многие из наших соседей поступают так же, у всех на лицах застыл страх.

— Маг крови...

Я вижу вдаль мужчину в черном балахоне с капюшоном. Он гордо восседает на могучем черном коне. Вестник смерти. Или сама смерть в человеческом обличье. Марионетка в руках жестоких кукловодов — людей.

Нам всем пришел конец.

Мама хватается меня за руку и тянет к дому:

— Эания, похоже, сбежать тебе придется раньше, чем ты планировала.

Я замечаю едва ли не одновременно с ней:

— Ты говорила, что война придет сюда еще не скоро!

— Это было больше пяти лет назад.

— Постой, ты не пойдешь со мной? Но...

— У тебя мало времени, милая! — отпускает она мою руку и бросается к сундуку со своими бумагами. — Возьми сумку и собери себе в дорогу еды. Не забудь про воду. Эания, собирайся, ну же! Немедленно!

Я стискиваю зубы и бегу на кухню. Тревога сжимает сердце, во рту горчит, а глаза печет. Но это не первый наш побег, мы справимся. Выживем. Все как всегда. И мама обязательно уйдет вместе со мной.

Нахожу в корзине с лесными травами свою поясную сумку и тут же закрепляю ее на талии. Забрасываю внутрь небольшие склянки с целебным порошком, огниво и другие важные мелочи, что попадают на глаза. С крюка у задней двери снимаю колчан со стрелами и лук. Беру наплечную сумку и быстро заполняю ее едой и водой. Оставив припасы у двери, возвращаюсь в общую комнату.

Мама набрасывается на меня, как ястреб на добычу. Ее белокурые волосы парят в воздухе, словно обдуваемые ветром, глаза горят, как два ярких факела в ночи, но выражение лица остается спокойным и строгим. Мама нервно впивается ногтями в мои плечи и быстро говорит:

— А сейчас, Эания, слушай меня внимательно! В этот раз тебе предстоит бежать одной. Как можно дальше отсюда. Не оглядываясь. Я знаю, что ты справишься. Эта карта подскажет путь, слушай ее и свое сердце, они не обманут.

— Мам... — сглатываю я ком в горле.

— Ты обязана спастись, слышишь? И обязана слушать свою мать! Я останусь, чтобы задержать мага крови, спасти тех, кого еще можно спасти. Я здесь единственная из чистокровных и несу ответственность за свой народ. Как и ты, как и все те, в ком течет эльфийская кровь. Ты еще не понимаешь этого, но однажды поймешь. А сейчас...

Мама вкладывает свернутый пергамент в мою сумку, а затем снимает с себя цепочку с медальоном в виде овала, разделенного пополам, и надевает на мою шею. Крепко обняв, она тут же отпускает меня:

— Беги!

— Обещай, что скоро нагонишь меня!

Мама смотрит на меня прощальным взглядом: в нем столько любви, ласки и гордости, что я едва

не реву в голос. Не хочу прощаться навсегда! Не хочу уходить! Не хочу оставлять ее здесь одну!

— Береги мой медальон, вернешь его, как только мы увидимся вновь.

С улицы доносится треск и крики, раздающиеся уже громче прежних. Мама взмахивает рукой в сторону входной двери — та слетает с петель от мощного порыва ветра — и шагает навстречу войне. Смерти. У ее пальцев клубится раскаленный добела огонь.

Я вбегаю на кухню, набрасываю ремень сумки с запасами на плечо и устремляюсь на улицу через заднюю дверь. Несуь мимо грядок с овощами, которые мы посадили буквально на днях, использую магию воздуха, чтобы легко перепрыгнуть через забор, и падаю на одно колено с другой стороны. Не оглядываюсь. Срываюсь напрямик в лес, который поднимается густыми деревьями и кустами по холму. Лес меня укроет, поможет, как и всегда.

Сейчас я не думаю ни о чем, кроме того, чтобы забраться на вершину как можно скорей, словно я решила поохотиться и очень спешу не упустить добычу. И только оказавшись наверху, в месте, где деревню полуэльфов видно как на ладони, я падаю в высокую траву у широкого ствола и впиваюсь взглядом в развернувшийся внизу бой.

Мужчины и женщины, как и моя мать, встали на защиту своих домов. В их руках мечи и ножи.

Те, кто может, используют магию. Выстоять против людей у них шанс есть. Выстоять против мага — нет. Но он не спешит вмешиваться. Пока всю грязную работу выполняют его бешеные псы, убийцы: отряд людей, намного превышающий численностью жителей деревни. Их окровавленные мечи мелькают тут и там, вспарывают животы и шеи полуэльфов. Их броня отбрасывает блики в лучах заходящего солнца. Но и она спасает не всех. Не от огня, который бросает мама.

— Чистая! Среди них есть Чистая!

Вот тут-то маг крови и начинает действовать.

Я мысленно ругаю маму за то, что та себя выдала. Но у нее нет другого выхода — она защищает группу тех, кто уводит в лес детей и стариков.

Среди лязга сражения и криков боли раздается эхо маминого голоса:

— Не стоит тебе, маг, пускать себе кровь!

Я впиваюсь взглядом в их высокие фигуры, одна под стать другой. Волосы и подол платья мамы развеивает ветер, подвластный ее воле, а вот балахон и капюшон мужчины висят на нем без движения. Одна из ладоней мага отбрасывает блик: нож, спрятанный в рукаве. Секунда — и клинок со скоростью света летит в мою мать.

— Я не слушаю советов эльфов!

Мама обхватывает пальцами рукоятку ножа, вонзившегося ей в живот. Она падает на колени, а затем заваливается на бок.

Не верю своим глазам. Не верю, что мою умную, добрую, нежную и безмерно сильную мать лишило сил такое ничтожное оружие, как нож. Не верю! Почему она не сотворила щит?!

Стиснув зубы, я присаживаюсь на одно колено и прикладываю к тетиве лука стрелу. Стреляю я метко, и стрелы мои быстры, как ветер.

Вдох. На выдохе разжимаю пальцы. Стрела со свистом устремляется вперед, к чудовищу, что посмело тронуть мою маму. Вот только... Легкое движение пальцев убийцы, и стрела камнем падает ему в ноги, а взор устремляется в мою сторону.

— Догнать лучника и убить! — приказывает маг своей своре. — Их всех!

С его пальцев начинают сыпаться искры, и через секунду стоящий рядом дом охватывает мощное и ревущее пламя. Пасс рукой, и порыв сильного ветра разносит огонь в разные стороны, его жар охватывает дома моих соседей. Через несколько секунд горит вся деревня.

Люди в окровавленных доспехах поднимаются по холму, заходят в лес.

Я убираю лук за плечо, встаю и, не прощаясь ни с мамой, ни с местом, что служило мне домом долгие годы, бегу дальше в чашу. Мне не дали времени на прощание, но ничто не мешает мне дать клятву. И я клянусь, что однажды обрету силу и покончу с магами крови, с каждым из них. И начну с того, кто убил мою мать.

Глава 1

Таверна «Грязный Кирк» не зря носит такое название: внутри до одури воняет человеческим потом, кислятиной дрянного пойла и тухлым мясом, из которого Кирк, хозяин забегаловки, готовит отвратительную на вкус похлебку. Пол здесь не мыли годами, а в углу, над столиком, за которым я обычно сижу, живет целое семейство пауков. Пойманная в паутину муха противно и пискляво жужжит, пока к ней ползут хозяева, чтобы полакомиться. Но я вынуждена терпеть неудобства, потому что таверна Кирка — единственная забегаловка близ дорожного тракта, и только здесь могут объявиться те, кому нужен проводник.

Я закрываю глаза и откидываю голову на неровную каменную стену. Благо на голове шапка, которая смягчает острые углы. Сегодня я снова провела

весь день на Топях: помечала деревья, проверяла, как сильно сместились тропы и насколько громко можно шуметь, чтобы не привлечь тварей, что обитают в болотах. Это выматывает, но у меня нет выбора: чтобы странствовать по отвоеванным у эльфов землям, нужны человеческие деньги.

Кто-то грубо пинает мой ботинок, я сжимаю рукоять ножа под курткой и недовольно приоткрываю один глаз. Надо мной нависает сам хозяин забегаловки, от мужчины несет перегаром и тухлым мясом, а от тарелок на грязном подносе в его руке поднимается пар только что приготовленной похлебки.

— Чего тебе, Кирк?

— Вон, залетные, — дергает он своим костлявым подбородком в сторону кучки людей, появившихся в таверне полчаса назад, — проводника ищут. Я им сказал о тебе. Пойдем, познакомлю.

Кивнув, я отправляюсь вслед за стариком.

Кирк грохает поднос о деревянную столешницу с такой силой, что стол жалобно скрипит, а похлебка разливается по поверхности.

— Ну и вонь, — замечает кто-то.

— Вот она, проводница, — хлопает меня по плечу Кирк, и я недовольно морщусь. — Давай, рыжий, расплачивайся, как обещал.

Старик протягивает руку к широкоплечему и крепкому на вид мужчине с медными кудрями,

чем-то похожими на мои вихры, и густой бородой. Незнакомец, разглядывая меня, вкладывает в его мозолистую ладонь медяк. Кирк тут же уходит, а человек отодвигает для меня стул:

— Ния, верно? Садись, есть разговор.

Я принимаю приглашение и настороженно разглядываю людей. С ними всегда нужно быть начеку, особенно мне, полуэльфу, скрывающему свою сущность, потому я не упускаю из виду выражение лица каждого за столом.

Их пятеро: рыжий и холеный, что расплачивался с Кирком; мощного вида женщина, которую можно принять за чистокровного эльфа, если бы не совершенно человеческие уши и темные, грязные от дорожной пыли волосы; худой и долговязый паренек, согнувшийся в три погибели, словно пытается быть как можно незаметнее; и два здоровяка, похожих друг на друга как две капли воды. Последние настораживают сильнее прочих. Лица у них каменные — не поймешь, о чем думают, а по выправке понятно, что умеют сражаться. Но явно не из бешеных псов, которых таскают за собой маги крови. Нет в их глазах отголосков того, что однажды они вкусили эльфийской крови. А она всегда оставляет след. Всегда.

— Итак, Ния, — облакачивается на стол рыжий, в уголках его глаз появляются паутинки морщинок от усталой улыбки. — По дороге сюда мы столкну-

лись со спятившим трехрогом и едва унесли ноги. Разумеется, наши кони погнались за ней — самка, бес бы ее побрал. Осталась лишь дохлая лошадка Сиуса, — мужчина усмехается и бросает насмешливый взгляд на долгоязого паренька. Я тоже усмехаюсь, но по другой причине.

Трехрогом люди зовут лесного виру — существо, похожее на оленя из их земель. Они не бешеные, просто не терпят поблизости от гнезда незваных гостей. Ну а кони... Кони и правда остро реагируют на виру, если те противоположного пола. Будут крутиться возле них без сна, пищи и воды, пока не упадут замертво.

Сиус, как того назвал рыжий, пригибается еще сильнее.

— В общем, в этом захудалом городишке найти стоящих скакунов нам не удалось, — продолжает мужчина. — А мы спешим в Бриос. Очень. И хорошо тебе заплатим, если ты, как сказал тот пьяница, сможешь провести нас через Топи. Сможешь?

Бриос, ранее именуемый Ваалисом, один из крупных городов на отвоеванной людьми земле. Он находится в паре недель пути отсюда, если обходить Топи. Или в двух-трех днях, если идти через них.

— Смогу, — киваю я. — Но не уверена, что все выйдут оттуда вместе со мной.

Топи — место опасное. Мама рассказывала, что в хорошие времена туда не всякий эльф совался. Даже сильнейшие из них пропадали там без следа или возвращались обезумевшими. А уж сколько сгинуло людей — не счесть. Земли эльфов — не шутки. Думаю, люди до сих пор не понимают, во что ввязались. Как и те, что сидят напротив меня.

Впрочем, мне это, с какой стороны ни посмотри, только на руку.

— Вот увидишь, мы тебя удивим, — подмигивает рыжий.

У меня на секунду темнеет в глазах, а в следующий миг я оказываюсь посреди Топей.

Ночь. Голые ветки деревьев тянутся к болотам. Густая грязь булькает. Мужские руки. Они цепляются пальцами за твердую землю. Под ногтями собралась грязь. Медные кудри слиплись от глины. Глаза расширены от страха.

— Помоги!

Я моргаю, и видение испаряется. Смотрю на рыжего уже иначе и говорю:

— Я беру всю сумму вперед. Вы беспрекословно выполняете мои указания. Все до единого. Идем налегке, с собой лишь самое необходимое в наплечной сумке, ничего громоздкого и тяжелого. Лошадь придется оставить здесь. Если согласны с условиями...

Сиус жалостливо икает, когда слышит про свою лошадь, а говоривший со мной мужчина твердо кивает:

— Согласны.

Я поднимаюсь на ноги, отчего ножки стула противно скрипят о дощатый пол, обвожу людей взглядом и завершаю нашу сделку:

— Выходим завтра. Встречаемся у таверны на рассвете.

По дороге в свою комнату на втором этаже нахожу пальцами под курткой медальон мамы и сжимаю его. Повторяю себе в очередной раз: мертва.

Помимо того что чистокровные эльфы легко управляют со всеми четырьмя стихиями, некоторые из них владеют даром предвидения. Дар этот очень редкий и ценный, и, чтобы научиться им правильно пользоваться, могут уйти годы. Мама умела. По крайней мере, мне так казалось. А еще этот дар если и передавался по наследству, то исключительно после смерти видящего. И только чистокровному потомку.

Почему после смерти мамы — возникающие видения больше не позволяют сомневаться в том, что она мертва, — дар перешел ко мне, к полукровке? Хороший вопрос. Но то, что я иногда вижу будущее, неоспоримо. И оно ведет меня к цели, изо дня в день. К долине Эльвос.

Я зажигаю свечу на столе, падаю на стул и раскрываю карту, которую дала мама. Она заколдована: показывает конечную цель, но путь выбирает по обстоятельствам, ведомым только ей самой. Я чувствую в ней мамину магию. Эта карта помимо медальона — все, что осталось мне от мамы, и она настаивает на том, чтобы я шла через Топи.

Веду подушечкой пальца по чернильным буквам, выведенным маминoй рукой. На желтоватый от времени пергамент падает слезинка. Бумага впитывает ее в себя. Свернув карту, я приступаю к сборам.

Спитcя мне этой ночью плохо.

Так происходит всегда, когда мне предстоит провести несколько дней в компании людей. Тесное общение с ними сродни хождению по тонкому льду. Один неверный шаг — забытая шапка или кoсой взгляд, а, может, грубое слово, — и все. Придется драться, чтобы выжить. Главное — сразу получить деньги, а с остальным буду разбираться по ходу действий.

Я поднимаюсь задолго до рассвета. Подхватываю свои вещи и иду в лес недалеко от таверны, чтобы немного попрактиковаться с магией земли. Больше никаких уловок или хитрости — я серьезно настроена овладеть всеми четырьмя стихиями. Мама, спустя восемнадцать лет моей жизни, нако-

нец добилась от меня усердия. Жаль, что для этого ей пришлось умереть.

Первые лучи солнца я встречаю, сидя на камне в тени горюющего люна. Его свисающие длинные ветви с мелкими листиками и коричневыми цветами скрывают меня от глаз тех, кто ошивается у входа в таверну. Судя по всему, мои попутчики остались на ночь здесь же. Долговязый паренек вышел во двор первым, чтобы попрощаться с лошадыю. Удивительная для людей привязанность к животному, которое служит лишь для того, чтобы им было легче жить.

Сиус долго гладит ладонью шею кобылы, что-то шепчет, перебирая пальцами жиденькую гриву, затем обхватывает руками лошадиную морду и утыкается своим лбом в ее. Кобыла ржет, задрав голову, резкое движение сбивает с головы паренька шапку, и та летит на вытоптанную копытами и человеческими ботинками землю. Сиус заметно пугается и бросается к шапке. Странно.

Из дверей таверны выходит рыжий. Осмотревшись, подходит к пареньку, поправляющему на белокурой голове шапку, и хлопает его по плечу:

— Я договорился с хозяином трактира, он позаботится о твоей зазнобе, пока здесь не появится кто-то, кто тоже направляется в Бриос. Увидишь ты еще свою хилую, не горюй.

— Точно позаботится?

— Я хорошо ему заплатил. Что скажешь, Ния?
Не зря мы доверяем трактирщику?

Глазастый какой.

Я выхожу из своего укрытия, на что паренек удивленно открывает рот, и говорю:

— Кому-то повезет больше нас: они будут есть похлебку из свежего мяса.

Сиус бледнеет, а рыжий хохочет. Во двор выходят остальные члены его отряда: женщина недовольно хмурится, а братья зевают один за другим.

— Как можно веселиться в такую рань? — ворчит человечка.

— Нам повезло с проводницей, — подмигивает мне рыжий и снова хлопает паренька по плечу. — У нее хорошее чувство юмора.

Сиус облегченно выдыхает, а я подхожу к главарю и протягиваю руку:

— Расплачивайся, и отправляемся.

Рыжий кивает, поворачивается к одному из братьев и ловит мешочек с деньгами, что тот ему кидает. Куль звонко звенит, а затем приятно удивляет своей тяжестью мою ладонь.

— Серебро, — поясняет рыжий. — Вся сумма сразу. Получишь еще столько же, если не только проведешь через Топи, но и сохранишь жизнь нам всем.

Я бросаю деньги в сумку и смотрю на мужчину:
— Я подумаю.

Он лукаво улыбается и прикладывает ладонь к своей груди:

— Меня зовут Элар...

В глазах темнеет.

Полумрак помещения. Медные локоны закрывают профиль мужчины, склонившегося к женской руке. Его губы прокладывают дорожку из поцелуев по светлой коже. Все выше, к изгибу локтя...

Я моргаю и скашиваю глаза на свою руку. Неужели это была она?!

— ...ты уже знаешь. Ворчунью зовут Туарой, а братьев — Леорс и Веорс. Они, кстати, откликаются на оба этих имени. Мы не плохие люди, Ния.

Снова смотрю на рыжего, а к горлу подкатывает тошнота. Не верю, что это могли быть мы с ним. Я ни за что не допустила бы такого, лучше перерезать себе горло.

— Никто не считает себя плохим, — бросаю я, — даже совершая ужасные вещи. Нам пора.

Элар отводит от меня задумчивый взгляд и кивает:

— Веди нас, проводница.

Спустя полчаса мы достигаем дорожного тракта, сворачиваем на юго-восток и ступаем на колею, оставленную колесами людских телег. Дорога ве-

дет в дикую фруктовую рощу, расположенную на самой границе с Топями. Последний благоухающий рубеж перед тьмой, запустением и возможной смертью. По сторонам колыхается высокая синьтрава, ее голубоватый оттенок напоминает журчащий на солнце ручеек. Ночью она обретает густой синий цвет, что делает поле похожим на глубокое темное озеро.

Я стараюсь не думать о недавнем видении, но вскоре меня нагоняет Элар, и я непроизвольно веду плечами от отвращения, а под курткой нахожу рукоять ножа.

— Почему ты этим занимаешься, Ния? Откуда так хорошо знаешь бывшие земли эльфов?

Я настораживаюсь, но Элар выглядит так, словно решил просто поболтать, от скуки. Он с любопытством мальчишки, открывшего что-то новое, всматривается в незнакомые просторы.

В просторы некогда прекрасного королевства Алья, миролюбивого и жившего в гармонии с природой. Эльфы всегда уступали людям в численности — те плодились, как яблоки в конце лета, — но королевство их было огромно. Незаселенные обширные земли и привлекли сотню лет назад тогдашнего короля маленькой, соседствующей с Алей Олазории. И мирным путем король людей идти не захотел — жаждал прославиться для своих потомков завоевателем. Так и вышло. Алья сгину-

ла под жестоким натиском людей, став Олазорией. Чистокровных эльфов почти не осталось, они вынуждены скрываться где-то в собственных землях, вынуждены отстаивать свое наследие, поэтому война продолжается: одни не желают сдаваться, а другие жаждут истребить врага как вид.

Я отворачиваюсь от Элара:

— Выросла здесь.

— Понятно. А мы вот в этих краях впервые. Удивительная штука мир, верно? Жизни не хватит, чтобы увидеть все его чудеса.

Я не отвечаю, поэтому Элар продолжает:

— А родилась ты здесь? Или в землях людей?

— Это и есть земли людей, — жму я плечами.

— Верно. Я к тому, видела ли ты Старый мир? Знаешь, что такое пшеница?

— Это невиданное средство, из которого делают муку? — усмехаюсь я.

Элар смеется:

— Я про пшеничные поля. Огромные, колосистые... Переливаются золотом на солнце — зрелище не хуже, чем поле с синь-травой.

— Угу.

— Неинтересно? — вглядывается он в меня.

Я пожимаю плечами.

— Хвойные леса тоже что-то невероятное. Запах ели, шишки с мягкими орешками. Правда, до них еще добраться надо. А если высушить... Красота!

Я рос в Старом мире, а недалеко от моего дома находился сосновый лес — не представляю, как не переломал себе руки-ноги, до того любил лазать к самым верхушкам. И все пальцы в смоле — не отмыть. Доброе было время, веселое.

— И что случилось? — спрашиваю раньше, чем обдумываю необходимость своего вопроса.

— Я повзрослел, — отвечает он с печалью в голосе. — Время для детских шалостей неминуемо закончилось.

Зато оно у него было. У детей эльфов и полуэльфов такой блажи нет. Их с пеленок учат выживать.

— В животе урчит, — жалуется позади один из братьев.

— Пожрать бы, — соглашает второй.

Я оборачиваюсь и бросаю:

— Сделаем привал, как доберемся до рощи, поэтому советую шевелить ногами.

Я и сама ускоряю шаг, чтобы оторваться от рыжего и не слушать рассказов о его детстве. Ни к чему мне знать, что люди не сразу рождаются чудовищами.

На привале я намеренно отделяюсь от компании и некоторое время за ними наблюдаю. Они действуют слаженно: один нарезает хлеб, другой — сыр. Третья собирает в тряпицу ягоду, что растет неподалеку. Четвертый передает бутылку с водой долговязому пареньку. Вот он-то как раз ничего не

делает, только принимает заботу и даже в некоторой степени смущен из-за нее. Он им важен, но я пока не пойму причин.

Отворачиваюсь и иду глубже в рощу, чтобы собрать в дорогу пиан, которые как раз поспели, превратившись из маленьких зеленых клубней в мясистые плоды насыщенно синего цвета, размером с хороший мужской кулак. Один плод этих фруктов способен заменить собою полноценный обед, но если есть его каждый день на протяжении недели или дольше, то можно и помереть.

Вернувшись, я застаю людей готовыми двинуться дальше. Пожалуй, их собранность мне по нраву, но не больше. Я киваю, и мы отправляемся.

Вскоре роща начинает редеть. Птицы, что попались по дороге, уже не выют здесь свои гнезда и даже мимо пролетать не рискуют. Звери и по давню обходят это место стороной.

Когда позади остается последнее цветущее деревце и последняя зеленая травинка, впереди вырастает мрачный и высокий лес, далеко протянувший свои когтистые ветви с запада на восток. За спиной раздается дружное «Ох».

Я ступаю на почерневшую землю и разворачиваюсь лицом к людям. Дождавшись полного внимания, по очереди смотрю на каждого и предупреждаю:

— Привала не будет до самой ночи — нужно пользоваться возможностью пройти твердую землю как можно быстрее. С мягкой землей будет сложнее. Как только войдем в лес, говорим шепотом, любой громкий звук привлечет летающих когтезубов. Идем быстро, но тихо, запомнили? Привал не больше пяти минут, коснитесь моего плеча, когда станет невмоготу. Ночь проведем в месте перед самой мягкой землей, если успеем добраться. Готовьтесь мерзнуть — ночи в Топях холодные, а огонь разжигать нельзя. Итак, всем все ясно?

Элар переглядывается с каждым из своего отряда и отвечает за всех:

— Идем быстро, но тихо. Приняли, Ния.

— Отлично, — киваю я и, повернувшись обратно, замечаю себе под нос: — Да поможет им их треклятый бог.

Где-то на протяжении нескольких часов все идет более или менее гладко. Шагаем мы быстро, держимся собранно и тихо. Но из-за того, что ничего страшного не происходит, люди против воли начинают расслабляться — напряжение отступает, они считают, что хорошо справляются и понемногу теряют бдительность. Разумеется, зря.

Мрачный лес, сквозь когтистые и запутанные кроны которого едва ли проникает свет солнца, только этого и ждет. Затаился. Как хищник, не же-

лающий спугнуть добычу раньше времени. Провождает ее голодным и жадным взглядом. Предвкусывает. Добыче лишь стоит сделать один неверный шаг...

Чьи-то пальцы касаются моего плеча, я оборачиваюсь и киваю:

— Три минуты, не больше.

Люди приучили себя к удобствам: еде в неограниченном количестве, разнообразным напиткам и лошадям, что таскают на себе их отъевшиеся туши. Им никогда не приходилось выживать. Большинству из них. Поэтому и отдых им требуется гораздо чаще, чем, например, мне.

Пока остальные жадно глотают воду, передавая бутылку из рук в руки, ко мне подходит Элар и тихо спрашивает:

— Если здесь днем так темно и мрачно, то как мы поймем, что наступила ночь?

— Вы поймете, будь уверен, — усмехаюсь я. Заметив, что Туара собирается усесться на корягу, предупреждаю: — Лучше не стоит. Три минуты истекли.

Я отворачиваюсь от Элара, но успеваю сделать лишь пару шагов, когда происходит следующее: сначала раздается треск, затем стон боли, а следом изо рта Туары летят громкие ругательства.

Я оглядываю зашевелившиеся ветки деревьев и шиплю:

— Заткнись сейчас же! Замрите и не двигайтесь!
И чтобы ни звука!

Даже в темноте заметно, как сильно бледнеет лицо Сиуса, как одинаково расширились от страха глаза у братьев, как с опаской озирается Элар, и как Туара виновато смотрит прямо на меня, закусив палец, чтобы оставаться тихой.

Бесшумно снимаю с плеча лук и вкладываю в него стрелу. Снова смотрю вверх, на ветки. Черные тени обретают форму — словно жирные наросты на стволе тянутся к небу. Нахохливаются. Прислушиваются. Жаждают устремиться камнем вниз, к несчастной жертве, что по глупости нарушила их покой.

Мгновение. Второе.

Ну же! Засыпайте!

Наконец наросты уменьшаются, затихают, как пробившийся из земли источивший свою мощь ручей, перестают двигаться.

Я оглядываю людей и шепчу:

— А сейчас бежим!

Стрелу я возвращаю в колчан, но дугу лука крепко сжимаю в пальцах. Сердце в груди бешено стучит. Это с виду может показаться, что я ничего не боюсь. На самом же деле за два месяца жизни без того, кто создавал для меня ощущение абсолютной защищенности, я просто хорошо научилась прятать собственные страхи.

Я перехожу на шаг только тогда, когда мы добираемся до широкой поляны с высокими деревьями по краям. Здесь чуть больше света за счет не такого плотного переплетения веток. И летучие когтезубы предпочитают деревья пониже.

Элар вновь трогает меня за плечо и молчаливо спрашивает, можно ли говорить. Я киваю.

— Туара поранила ногу, — шепчет он. — Нужна перевязка.

Я смотрю себе за плечо и вижу, как братья, подхватив женщину под руки, помогают ей добежать до нас. Одну ногу Туара держит на весу. Даже удивительно, как они смогли бежать в таком виде достаточно бесшумно.

Женщина падает на широкий ствол, изгибающийся над землей, и тихо ругается. О том, что ей больно, говорит лишь выступивший на лбу и над губой пот, да кровь, промочившая шкуру ботинка. А я предупредила: здесь все не то, чем кажется. Злиться без повода чревато последствиями.

— Прости, Ния. Я тупая ослица, — шепотом кается женщина. — Врезала ногой по этой коряге, а она пустая внутри. Края острые, что нож...

— Спорить не буду, — киваю я и иду осмотреться. — Сильно шуметь по-прежнему нельзя.

Я нахожу свою метку, касаюсь ладонью ствола и закрываю глаза. Призываю воздух, закручиваю небольшой поток ветерком и отправляю его впе-

ред. По ощущениям, воздушный поток обтекает мягкой волной лишь деревья да редкие голые кусты. Ничего плотнее и больше впереди нет. Выдыхаю и возвращаюсь обратно.

Туаре успели снять ботинок и обмыть рваную рану водой.

— Подождите, — шепчу я. — Бабушка научила меня готовить одно средство.

Шарю рукой в сумке, нахожу стекляшку с целебным порошком и присаживаюсь у ноги женщины. Она бросает опасливый взгляд на Элара — тот, похоже, кивает, и Туара молча принимает мою помощь. Я сыплю немного порошка на рану и разрешаю перевязать. Любое промедление будет стоить дополнительных часов пути, а я не хочу находиться с людьми дольше, чем требуется.

Распрямившись, я ловлю задумчивый взгляд Сиуса, который, впрочем, паренек тут же отводит. Непроизвольно веду плечами и отхожу от людей, чтобы в одиночестве подождать, когда они закончат с перевязкой. Дойти к ночи до места, которое я днями ранее приготовила специально для ночлега, мы не успеваем.

Пространство вокруг постепенно светлеет: земля и деревья остаются черными, а воздух словно белеет. У нас ровно полчаса до момента, когда поднимется плотный серый туман, в котором будет не видно дальше собственной руки.

За спиной снова раздаётся дружный, но тихий вздох. Я оборачиваюсь и сообщаю, что сейчас придется бежать. Люди согласно кивают, и братья подхватывают женщину под мышки.

До места мы добираемся, когда туман уже обволакивает наши тела по пояс. Я смотрю на вспотевшие и ошарашенные лица людей и против воли улыбаюсь. Говорила же, они поймут, что наступает ночь.

Даю время отдышаться, а сама лезу на дерево, в дупле которого спрятала пару одеял. Бросаю их на землю и, спустившись, тихо говорю:

— Все, что есть.

— Мы и этому рады, Ния. Спасибо тебе.

— Ешьте и ложитесь спать. Отправимся в путь, как только туман спадет.

Я снова забираюсь на дерево и устраиваюсь на одной из крепких веток. Осматриваюсь, не заметно ли поблизости когтезубов, и достаю из сумки пиану. Меня окликает Элар. В густом тумане различается лишь его ярко-рыжая макушка.

— Ния! Разбуди меня через пару часов, я сменю тебя на карауле, — громко шепчет мужчина.

Толку от него в таком тумане?

Я усмехаюсь и бросаю:

— Лучше выспись как следует, Элар.

Снова закручиваю поток ветерка и отправляю на разведку. Убедившись, что поблизости нет

крупных зверей, я кутаюсь в куртку, откидываю голову на ствол и закрываю глаза. Долгий был день. И непростой. Но я все ближе и ближе к своей цели.

Просыпаюсь я резко и едва не падаю с дерева. В груди звенит тревога. Я сосредотачиваюсь и понимаю, что кто-то из людей храпит, как медведь! Сна как не бывало. Быстро и ловко спускаюсь с дерева и иду на звук — храпит один из братьев. Наклоняюсь и торможу его за плечо:

— Просыпайся, треклятый дурак!

Ко мне присоединяется Сиус, с бледным от страха лицом, и тоже пытается достучаться до спящего. Но тот лишь начинает храпеть еще громче. И сквозь этот храп я слышу голодный рык. Волки. Разумеется, не простые, как и все в этом ужасном лесу. Огромные, с глазами, налитыми кровью, безумные и бесконечно голодные. Я удирала полдня от одного такого и спаслась только тогда, когда забежала на болота.

— Давай! — пинаю я храпящего. — Просыпайся!

— Ния? Что случилось? — появляется рядом сонный Элар.

— Ты не слышишь храп?! Если мы его не разбудим, сюда явятся волки!

— Теперь слышу. Подвинься-ка.

Элар широко зевает. Мы с Сиусом переглядываемся, он пожимает плечами и тихо замечает:

— Попробуйте разбудить остальных.

Я пинаю ботинком ногу второго брата и слышу громкую пощечину. Храп смолкает. А голодный рык раздаётся все ближе.

Я склоняюсь к Элору:

— Надо срочно отсюда бежать.

Спустя минуту я понимаю, что ничего не выйдет. Люди никак не могут проснуться: они вялые и даже не напуганные, зевают каждую секунду. Братья снова клюют носом, Туара положила голову одному из них на плечо, а Элор отряхивается, как собака от грязи, и недоумевают:

— Не пойму, какого беса происходит...

Я беззвучно ругаюсь.

— Все лезем на дерево! Быстро!

Быстро не выходит.

Пока люди копошатся, помогая друг другу, я прислушиваюсь к звукам и тихо злюсь. Мне не нравится, что приходится рисковать своей жизнью из-за кучки людей, но выбора нет. Они нужны мне живыми, чтобы получить еще один мешочек с серебром. Этого хватит на несколько месяцев путешествия в одиночестве, и мне не придется снова строить из себя проводника.

Я вижу, как в тумане у дерева исчезает последний ботинок, прячу нож обратно за пазуху и взбираюсь по широкому стволу сама.